

Светлана Фокина,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры мировой литературы
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

МИФ О ЧЕХИИ В СТИХОТВОРЕНИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ПРАЖСКИЙ РЫЦАРЬ»

Стихотворение М. Цветаевой «Пражский рыцарь» написано в период ее проживания в Чехии и посвящено рыцарю Брунsvику, апокрифическому покровителю Праги. В письме Б. Пастернаку поэтесса писала: «Есть у меня в Праге друг, каменный рыцарь. Он стоит на берегу Влтавы и охраняет мост. И если есть у меня ангел-хранитель, то это именно он, с его львом, с его мечем и с его лицом» [11; 6/2, с. 263].

ПРАЖСКИЙ

РЫЦАРЬ

Бледно – лицый

Страж над плеском века –

Рыцарь, рыцарь,

Стережущий реку.

(О найду ль в ней

Мир от губ и рук?!)

Ка – ра – ульный

На посту разлук.

Клятвы, кольца...

Да, но камнем в реку

Нас-то – сколько

За четыре века!

В воду пропуск

Вольный. Розам – цвесь!

Бросил – брошусь!

Вот тебе и месть!

Не устанем

Мы – доколе страсть есть!

Мстить мостами.

Широко расправьтесь,

Крылья! В тину,

В пену – как в парчу!

Мосто – вины

Нынче не плачу!

– «С рокового мосту

Вниз – отважься!»

Я тебе по росту,

Рыцарь пражский.

Сласть ли, грусть ли

В ней — тебе видней,

Рыцарь, стерегущий

Реку — дней.

27 сентября 1923 [10; 2, с.128]

В своих письмах поэтесса не раз признается в любви к Чехии, Праге и рыцарю Брунсвику, предание о котором было ей не известно. В одном из писем к А. Тесковой М. Цветаева высказывает просьбу: «Жду истории своего Рыцаря. Все что знаю – что это он добыл Праге двухвостого льва. Напишите мне, <...> с кем дрался, где блуждал, откуда привел льва» [10; 6/2, с. 145]. М. Цветаевой, изначально не знающей истории Брунсвика, импонирует обретение символического ангела-хранителя, что согласуется с ее представлениями о братстве и становится знаком преемственности Чехии.

Чешский писатель конца XIX века Алоис Ирасек включает легенду о Брунсвике в «Старинные Чешские Сказания», где сказано, «был молодой князь благороден и справедлив. <...> на третьем году своего правления решил он постранствовать по белу свету, чтобы возвеличить язык своей родины» [4, с. 88]. Приключения Брунсвика оказываются испытаниями его доблести и верности долгу стать опорой

для Чехии. Поиски князя направляла его убежденность: «Мой отец добыл знак орла, а я хочу добыть знак льва» [4, с. 89]. Характерны, обретенные в странствиях Брунсвиком, друг лев и волшебный меч. Лев как символ «мужества, храбрости, верховной власти, благородства, гордости» [12] и «воплощение героического начала» [12] олицетворяет царственность и отвагу. Меч наделяет рыцаря силой, призванной соответствовать его духовному предназначению. Лев, будучи верным другом и спутником Брунсвика, выступает не только в качестве волшебного помощника, но и своего рода альтер эго князя – покровителя Чехии и Праги. В соответствии с символической традицией лев «... одна из ипостасей сфинкса и херувима» [11; с.94], что расширяет смысл дружбы льва и князя Брунсвика, которую с учетом такого семиотического потенциала можно расценивать как знак Божьего благословения данному рыцарю за чистоту его помыслов и отвагу. Согласно чешской легенде лев не покидает князя даже после его смерти: «не захотел лев жить на белом свете без своего господина. Тосковал он и чах. И, печально зарывав в последний раз, умер на могиле Брунсвика» [4, с. 104].

На гербе Чехии в качестве эмблемы «власти над подданными» [11, с. 94] двухвостый лев в короне, изображенный попарно с орлом. Появление льва на чешском гербе обусловлено как его аллегорией доблести и величия, так и сказаниями о князе Брунсвике.

В приводимом выше письме к А. Тесковой М. Цветаева упоминает двухвостость брунсвигова льва, считая этот признак важным для легенды о Пражском рыцаре. В сказаниях о Брунсвике, приводимых Алоисом Ирасеком, о двухвостости льва и какой-либо его магической функции, кроме как быть верным другом, помощником и защитником рыцаря, ничего не говорится. Волшебной функцией наделяется меч, обретенный Брунсвиком в странствиях и о котором сказано: «Прочно и глубоко замурован он (меч – С. Ф.) в одном из устоев Карлова моста – в том месте, где стоит статуя Брунцвика с каменным львом у его ног. Перед своей смертью повелел Брунцвик тайно замуровать туда меч, и там покоится уже много веков это чудодейственное оружие. Объявится он только тогда, когда будет чешскому королевству всего горше» [4, с. 105].

Согласно изысканиям историков прототипом мифического рыцаря Брунсвика, появившегося в чешских средневековых преданиях, стал реально существовавший король Пржемысл II. «Самое раннее изображение двухвостого льва относится к 1247 году. Оно появилось на печати наследника чешского престола, молодого маркграфа Моравии Пржемысла Отакара II и печати города Брно» [2]. Позже герб со львом выступает как символ королевской власти занявшего престол Пржемысла Отакара II. Касательно объяснения двухвостости льва у исследователей нет единого мнения. Одна из наиболее убедительных версий, что Пржемысл II, наделив льва на своем гербе двумя хвостами, «... хотел подчеркнуть единство Чехии и Моравии под рукой чешского короля. Возможно, он считал необходимым найти символ своего единения с отцом, который, будучи чешским королём, передал сыну руководство Моравией» [2].

В аспекте геральдического потенциала символика двухвостости льва, напоминающая переплетающиеся языки факела, видимо знак связи с огненной стихией. Ипостась льва как «святоносного символа огня и солнца» [1, с. 273] отображает способность быть светочем для Чехии, оберегая ее величие.

Историю рыцаря Брунсвика М. Цветаевой было суждено узнать значительно позже. В письме к А. Тесковой 1939 года поэтесса заметила: «... меня поразило (в жизнеописании Брунсвика – Ф. С.)... страх Рыцаря перед ласковостью льва. Не боявшийся чудовищ – кротости убоялся» [10, с. 147].

В 1923 году, не зная предания о Пражском рыцаре, М. Цветаева создает свою легенду о нем, отразившуюся в подтексте стихотворения.

Обретение каменного ангела-хранителя, обыгрываемое в тексте, знаковая в цветаевском поэтическом мире ситуация. Образ рыцаря, возвышающегося над Влтавой, включается в функционирующий в ментальном универсуме М. Цветаевой смысловой ряд: бледнолицый рыцарь – каменный ангел – собрат – «одноколыбельник». Эта парадигма значений соотносится с цветаевской рецепцией рыцарского кодекса в контексте осмысления доблести и братства.

Интерпретируя феномен рыцарства М. Цветаева трансформирует культурную модель, созданную Средневековьем и предписывающую определенный тип куртуазного поведения: *рыцарь, воспевающий Прекрасную Даму и поклоняющийся ей.*

Основой средневековой культурной модели является принцип, утверждающий «благородное и непорочное служение даме» [9, с. 125]. Более того, доминантой рыцарского кодекса выступает «в соответствии с метафорической схемой, заимствованной из феодальных структур» [3, с. 485] идея: «женщина – это сюзерен, мужчина – ее вассал» [3, с. 485]. Именно куртуазная любовь стала «визитной карточкой воспитанных в себе возвышенных и благородных чувств, ставящих идеального рыцаря вровень с земными владыками» [7, с. 436], а идеал куртуазности «...нашел своего хрестоматийного героя в романном образе “лучшего рыцаря в мире” Ланселота...» [7, с. 436].

В цветаевском варианте женщина-поэт, наделенная андрогинными чертами, воспеваает героя, обретающего в ее лирике ипостась рыцаря. Обыгрывание рыцарской доблести наиболее частотно соотносится с темой Сергея Эфрона. Такой союз в осмыслении поэтессы оказывается, прежде всего, братством – общей сопричастностью рыцарству («*В его лице я рыцарству верна*»). Модель созданная М. Цветаевой, фиксирует ряд аспектов отношений женщины-поэта и рыцаря. Если идеалом средневековой рыцарской культуры были моральная безупречность, отвага и преданность Прекрасной Даме, то в поэтическом мире М. Цветаевой верность женщины-поэта рыцарю выражается в воспевании его, в стремлении служения ему и зачастую покаянии перед ним. Подобная поведенческая стратегия в контексте цветаевского мифа оказывается проявлением высшей преданности. Рыцарь предстает в ипостасях юноши, воина, ангела-хранителя. Смысловым ядром отношений женщины-поэта и рыцаря в цветаевской модели в отличие от типа поведения, предписанного законами куртуазности, становится именно братство.

На ипостаси ангела-хранителя, приписываемой рыцарю у Карлова моста, М. Цветаева настаивала в своих письмах, обращенных к различным адресатам: Б. Пастернаку, А. Бахраху, А. Тесковой. В ряде писем разных лет возникают упоминания Пражского рыцаря. М. Цветаева утверждает: «... Пражский рыцарь – навеки *мой*» [10; 6/2, с. 100]. Брунsvик воплощает с точки зрения поэтессы высшую доблесть и «символ верности (себе! не другим)» [10; 6/2, с. 13].

Не менее примечательный факт, что М. Цветаева считает Брунsvика схожим с нею лицом, о чем сообщает в письме А. Бахраху: «У меня есть друг в Праге, каменный рыцарь, очень похожий на меня лицом. Он стоит на мосту и стережет реку: клятвы, кольца, волны, тела. Ему около пятисот лет и он очень молод: каменный мальчик. Когда Вы будете думать обо мне, видьте меня с ним» [10; 6/2, с. 286]. Но существует и другая версия оценки облика рыцаря

М. Цветаевой. И. Кудрова повествует о том, что поэтессе было дорого сходство рыцаря с ее супругом Сергеем Эфроном, которому в юности она посвятила стихотворение «Я с вызовом ношу его кольцо». И. Кудрова, обращаясь к чешскому периоду жизни М. Цветаевой, замечает: «Марина подолгу вглядывается в рыцаря: он кажется ей похожим на Сергея, мужа, – жертвенностью и чистотой облика...» [5, с. 47]. А. Труайя в своей книге о М. Цветаевой выдвигает альтернативное предположение: «Ей показалось, будто Родзевич – ну, точь-в-точь статуя рыцаря Брунсвика на Карловом мосту...» [8, с. 232]. По утверждению М. Слонима, именно он привел М. Цветаеву к Карлову мосту, где находится изваяние рыцаря. В книге В. Лосской приводятся следующее воспоминание М. Слонима: «Во время одной из наших прогулок я ей показал рыцаря, это было в старинных кварталах, по ту сторону реки, в Праге, которую она очень любила. Через день после этой прогулки я получил от нее стихотворение “Пражский рыцарь”» [6, с. 93].

Но более важно, чем выяснение скрытого адресата стихотворения, то, что цветаевский «Пражский рыцарь» становится признанием духовной близости Чехии, а «Бледно – лицый страж» – хранитель Праги – центр цветаевского мифа о Чехии как новой духовной родине. В письмах к А. Тесковой в течение многих лет М. Цветаева неизменно признается в любви к Чехии и ее центру – Праге.

1926 г. – «Прагу я люблю самым нежным образом...» [10; 6/2, с. 20] ; «Прага – <...> мой любимый город» [10; 6/2, с. 23].

1927 г. – «*Как я хочу в Прагу!* <...> В жизни не хотела назад ни в один город, *совсем не хочу в Москву* <...>, а в Прагу хочу, очевидно пронзенная и замороженная» [10; 6/2, с. 34].

1938 г. – «О, как я скучаю по Праге и зачем я оттуда уехала?» [10; 6/2, с. 137]; «... лучшее в Праге было – Рыцарь, а в Карловом Тыну – не мой юный спутник (к<оторо>го давно забыла), а сам старый Тын» [10; 6/2, с. 143].

Кроме акцентированности рыцарской тематики не менее значимым представляются авторские коды, связанные с цветаевским мифом о Чехии как местом духовно ей близким, а также символикой воды и мифологемой Леты.

Образ рыцаря над Влтавой, «стерегущего реку», становится модификацией двух мифологем, различных по своей семантике и культурной составляющей. Рыцарь Брунsvик в подтексте цветаевского стихотворения соотносится с трансформированной функцией Харона и в тоже время выступает в роли своего рода ангела хранителя лирической героини.

Воображаемый прыжок с Карлова моста в воды Влтавы «В пену – как в парчу!» становится знаком не только гибели, но и обручения с Чехией и ее хранителем – Пражским рыцарем.

Литература

1. Андреева В. Лев / В. Андреева, А. Ровнер // Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы. – М. : Астрель, АСТ, 2004. – С. 273–279.
2. Гарбицкий С. Чешские государственные символы : Герб Чехии [Электронный ресурс] / С. Гарбицкий // Пражский телеграф. – Режим доступа к ист. :
<http://www.czechtoday.eu/istoriya/cheshskie-gosudarstvennie-simvoli-gerb-chechii.html>
3. Зюмтор П. «Куртуазия» / П. Зюмтор; [пер. с франц. И. К. Стаф] // Опыт построения средневековой поэтики. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 480–489.
4. Ирасек А. Старинные чешские сказания / А. Ирасек; [пер. с чешск. Ф. Боголюбовой]. – М. : Правда, 1987. – 368 с.
5. Кудрова И. Путь комет : в 3 т. / И. Кудрова. – Т. 2. : После России. – СПб : Крига; Изд-во Сергея Ходова, 2007. – 560 с.

6. Лосская В. К. Марина Цветаева в жизни: Воспоминания современников / В. К. Лосская. – М. : ПРОЗАиК, 2011. – 384 с.
7. Лучицкая С. И. Рыцарство / С. И. Лучицкая // Словарь средневековой культуры / [под ред. А. Я. Гуревича]. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 431–437.
8. Труайя А. Марина Цветаева / А. Труайя. – М. : Эксмо, 2003. – 480 с.
9. Хёйзинга Й. Гл. 4 : Рыцарская идея / Й. Хёйзинга // Осень средневековья / [сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатели Д. Э. Харитоновича]. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 114–130.
10. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1998.
11. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – М. : АСТ; Харьков: Торсинг, 2001. – 591 с.
12. Энциклопедия символов и знаков : Лев [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ист. :

<http://sigils.ru/symbols/lev.html>